От «загадки десятого километра» к «Даче Лунного Короля»: симулякры в теме Большого террора

Михаил Яковлевич Рожанский[1]

✉ mr1954@yandex.ru

[1]Центр независимых социальных исследований-Иркутск, Иркутск, Россия

Для цитирования статьи:
Рожанский, М. Я. (2019). От «загадки десятого километра» к «Даче Лунного Короля»: симулякры в теме Большого террора. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 188–203.

В статье анализируются противоречия коммеморации трагедии Большого террора. Рассматривается случай Иркутска — города, в котором осенью 1989 года был открыт первый на территории Российской Федерации мемориал на месте массовых расстрелов и захоронений (в настоящее время Мемориальное кладбище «Пивовариха»). Тридцатилетняя история сначала поиска и коммеморации места массовых расстрелов, а затем конфликтов вокруг места памяти позволяет увидеть, как откладывается работа с исторической травмой, и роль, которую играет мифотворчество в этом уклонении. В источниковой базе проведенного исследования особый интерес представляет корпус читательских писем 1988–1989 года, хранящийся в частном архиве.

Ключевые слова: коммеморация, массовые репрессии, симулякры, письма читателей, перестройка и гласность

From the "Riddle of the tenth kilometer" to the "Country house of the Moon King": simulacra in the Big Terror theme

Mikhail Ya. Rozhanskiy[1]

✉ myr1954@gmail.com

[1]Center for Independent Social Research-Irkutsk, Irkutsk, Russia

To cite this article:
Rozhanskiy, M. (2019). From the "Riddle of the tenth kilometer" to the "Country house of the Moon King": simulacra in the Big Terror theme. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2),188–203. (In Russian).

The paper dwells upon commemoration process at the sites of mass executions and burials in the city of Irkutsk. The main body of sources for the paper is the archive of readers' letters to Irkutsk newspapers in 1988–1989 (most of these letters have not been published previously). When the search began in Irkutsk for the mass grave site, fears about possible traumatic experiences (both for the people themselves and "for society") confronted both the actualization of public discussion about Stalinist repressions and the people understood the need or at least the inevitability of such actualization.
The site of mass executions and burials was proved as such thirty years ago, and a memorial was created on site. But for thirty years since, both stable and new mythological

elements of commemoration have been being reproduced. They "function" in conflicts that arise around the memorial, create an emotional tint and mask the fact that working on the unresolved historical trauma is postponed.

Keywords: commemoration, mass repressions, simulacra, letters from readers, Perestroika

В основе статьи анализ кейса, к которому я обратился, исследуя битвы исторической памяти и столкновения вокруг коммеморации в Сибири. Тема репрессий и ГУЛАГа остается крайне конфликтогенной, и один из самых противоречивых процессов коммеморации — создание мест памяти о жертвах Большого террора. В статье не рассматриваются политические факторы, влияющие на этот процесс. Иркутский кейс — история коммеморации места массовых расстрелов и захоронений в Иркутске — заставляет обратить внимание и на фактор иного рода, а именно роль симулякров в процессе коммеморации.

Понятие «симулякр» используется в статье без какого-либо политтехнологического смысла. Речь не идет о намеренном создании образов одними акторами для навязывания другим определенной логики действий. Ключевой вопрос исследования связан с парадоксом, который может быть обозначен с помощью понятия «симулякр». Дело в том, что в описании и номинации как предполагаемых, так и доказательно установленных мест расстрела и массовых захоронений жертв, используется мифотворческая стилистика и создаются образы, активно востребованные в конфликтах вокруг места памяти и, в результате, влияющие на его судьбу, значение и, в целом, на процесс коммеморации Большого террора. При этом образы могут иметь лишь периферийное отношение к теме репрессий и даже к самому месту памяти, что и позволяет их определить как симулякры. Понять причины их востребованности в теме Большого террора — цель представленного в этой статье исследования иркутского кейса.

Материалы исследования

Материалом для статьи послужили публикации иркутских изданий, начиная с 1988 года и до настоящего времени, а также архив читательских писем, который хранится в Центре независимых социальных исследований-Иркутск. Этот архив[1] включает в себя письма в редакции иркутских, читинских и улан-удэнских газет, а также в ряд «центральных изданий» («Наука и жизнь», «Родина», «Юность», «Пионерская правда» и др.). Подавляющее большинство писем не опубликовано — это было невозможно из-за их количества и объема, а те, что опубликованы, как правило, сильно купированы и иногда отредактированы. Письма хлынули буквально потоком весной 1988 года, когда газеты и журналы обратились к «белым пятнам истории», то есть темам, которые

[1] В архиве 2 тысячи единиц хранения писем; он был собран молодыми иркутскими историками в 1989 году. См. подробнее: [Боярских и др. 2014].

замалчивались до политики «гласности». Статьи и читательские письма были сфокусированы на преступлениях сталинизма, коллективизации, правде о войне, свидетельствах об истории семей и личных историях. Для данного исследования источниками стали письма читателей в иркутские газеты «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь». Иркутский кейс выбран для исследования не только потому, что я мог непосредственно наблюдать происходящее (сразу оговорюсь, что не участвовал в самом поиске — то есть наблюдал за процессом на дистанции), но, прежде всего, потому, что существует данный архив.

1988 год. «Загадка десятого километра»

Тема Большого террора была актуализирована в иркутских газетах в связи с поиском места массовых расстрелов и захоронений. Летом 1988 года небольшая инициативная группа «неформалов» (в основном, левых политических позиций[2]) обследовала полигон на десятом километре Якутского тракта, на котором, по распространенным в Иркутске слухам (ходившим, как минимум, с шестидесятых годов), расстреливали людей в конце тридцатых годов. Задачей исследования было найти улики, доказывающие, что на этом месте производились расстрелы и захоронения. Поскольку инициативная группа действовала в период бурной политической жизни в городе, в которой сталкивались различные неформальные группы и протопартии самого разного идейно-политического толка, и каждая из групп стремилась формировать повестку дня и демонстрировать свою практическую, а не только полемическую активность, то первые же найденные улики — гильзы от револьверов, выбоины на бетонной стене, загораживающей вид на полигон с тракта — были публично объявлены доказательствами того, что полигон был местом массовых экзекуций. Соответствующим образом были интерпретированы и остатки сооружений: бетонная стенка как место индивидуальных расстрелов, паровозная печь (точнее, ее часть) как место сжигания трупов и т. д. Участники этих изысканий назвали себя группой «Стена» и, выступая на митингах, которые в те месяцы проходили в городе по разным поводам, привлекли внимание к «десятому километру». Бывший полигон стал местом активного посещения. Раньше здесь иногда останавливались проезжающие по тракту, чтобы посмотреть на предполагаемое место расстрелов. Летом 1988 года у бетонной стены стали появляться букеты, на стене траурные граффити и надписи с именами репрессированных в 1930-е годы — судя по этому, на «десятый километр» стали приезжать как к месту памяти. В местных газетах после митингов стали активно высказываться мнения и требования о превращении этого места памяти в мемориал. Журналисты понимали, что доказательств, указывающих именно на данное место, недостаточно, но, видимо, сама задача актуализации памяти о репрессиях и

[2] Употребляю термин «левые», несмотря на его условность для 1988 года, поскольку основным спикером группы был Игорь Подшивалов — инициатор и лидер неформальных объединений анархистов, ставший в последующие годы одним из лидеров движения анархистов в России.

устойчивость мифологии, связанной с «десятым километром», заставляли авторов статей считать сомнения временными и пытаться увидеть доказательства в каждой детали при описании бетонной стены и прилегающей площадки:

> в нескольких метрах из-под земли высовываются остатки металлического скелета — видимо, к ним когда-то крепилась труба топки [Воронина 1988, 27 сентября].

Контекст идейной борьбы побуждал к конспирологии, а оптика мифотворчества позволяла легко увидеть признаки если не заговора, то чьего-то организованного противодействия усилиям по установлению истины:

> ...В нескольких шагах от стены, над свежим холмиком земли, совсем недавно появилась надпись: «Опасная зона. Кабель... Копать запрещается!» [Воронина 1988, 27 сентября].

Коммеморация «десятого километра» совпала по времени с созданием в Иркутске общества «Мемориал» и стимулировала процесс его организации. Для оргкомитета создание мемориала жертвам репрессий стало главной задачей, но в отличие от группы «Стена» его участники стремились установить место массовых захоронений на основе бесспорных доказательств.

В ответ на публикации о «десятом километре» в иркутские газеты «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь»[3] шли письма. Их можно разделить на несколько групп:

1) письма, в которых авторы эмоционально поддерживали инициативу увековечения памяти о жертвах и памяти о репрессиях;

2) письма, авторы которых считали, что тему «десятого километра» журналисты необдуманно вынесли в центр общественного внимания;

3) письма, авторы которых, либо считая недостаточно убедительными сведения о «десятом километре» как месте расстрелов и захоронений, либо приводя аргументы, что это место выполняло другие функции, предлагали свои версии того, какие места связаны с машиной репрессий, и ссылались на известные им свидетельства. Иначе говоря, авторы этой группы писем не предлагали разобраться в теме репрессий, а помогали установлению места будущего мемориала.

Посмотрим внимательнее на вторую и третью группу писем. Нас интересует спектр мотивов, которые двигали авторами, решившими таким образом вступить в дискуссию, возникшую в Иркутске вокруг памяти о репрессиях.Но чтобы объяснить содержание писем и попытаться понять мотивы, побудившие писать в редакцию, необходимо видеть эти письма в контексте всего массива писем об истории, шедших в редакции журналов и газет в 1988–1989 годы.

[3] Письма, которые получала газета «Советская молодежь», редакция сделала основной частью дискуссии о сталинских репрессиях, включившись таким образом в создание общества «Мемориал» и в поиск места репрессий, который вел оргкомитет «Мемориала».

1988. Письма о «десятом километре»

Отклики читателей на публикации о «десятом километре» приходятся на осень 1988 года. К этому времени дискуссии о советской истории уже шли активно, но еще в пределах оценки отдельных периодов, исторических фигур, сюжетов, а не советской эпохи в целом. Писем с радикальными оценками советской истории, социализма, коммунистической идеи и т. д. не было на страницах изданий. И, опираясь на архив, можно утверждать, что таких писем вообще не было в корреспонденции, которую получали редакции газет и журналов в 1988 году[4]. Но при этом уже были письма, авторы которых предупреждали о вреде и опасностях повышенного внимания к сюжетам советского прошлого. Среди таких писем-предупреждений в иркутские газеты — письма, авторы которых хотели бы остановить дискуссию, возникшую вокруг «загадки десятого километра»[5]. Они совсем не обязательно были сторонниками сталинизма. Процитирую письмо (с небольшими купюрами), которое не было опубликовано (и не цитировалось) в газете — видимо, из-за тональности, в которой написано.

> Неужели А. Семенов считает, что в те времена люди были, гораздо, глупее, чем он сам. Никакой тайны из этого сооружения строить не следует, тем более в век атома и научно-технической революции. А установить, когда это сооружение было воздвигнуто, проще пареной репы, как говорят в народе...
>
> ... Строить догадки в тайне на десятом километре и создавать сенсацию не следует.
>
> Что касается приведения приговоров в исполнение, то для этого достаточно места было во внутренней тюрьме ранее «ЧК», а потом НКГБ, которая располагалась по улице Литвинова, в глубине двора, откуда увозили на а/машинах как правило в ночное время, а куда??..
>
> По всей вероятности в специально отведенное для этой цели место. Было время, не нам судить об этом и не следует из этого делать сенсацию, о каком-то открытом месте, где сталинисты расправлялись со своими жертвами, это наша боль, наш позор и позор тех, кто провоцировал, клеветал, доносил, т. е. осуществлял навет на невиновных лиц подвергая их гибели.
>
> Надо. Чтобы подобное не повторилось.
>
> В данный период времени важно не это. Там где надо, выводы сделаны и дана принципиальная оценка тому периоду и его руководству.
>
> А, тов. Семенову я бы рекомендовал заняться делом, которого ждет от него, как от корреспондента, перестройка. Она, как раз нуждается в гласности, но не в такой о которой Семенов часто пишет в газете, собирая сплетни бабушек превращая себя в их почитателя, газетного болтуна. С уважением
>
> Ветеран войны (подпись)[6].

[4] Позднее, с середины 1989 года, то есть после Первого съезда народных депутатов, фокус сместился на характеристику советского периода истории и советской власти. Границы «допустимого» не просто расширились, а были разрушены, табуированных тем не оставалось. Последним табу был запрет на негативные оценки личности и деятельности Ленина, этот запрет был отброшен публикациями в конце 1989 года.

[5] Так назвал журналист областной газеты А. Семенов свою статью [Семенов 1988, 18 октября].

[6] Письмо написано 24 октября 1988 года. Орфография источников при цитировании здесь и далее сохраняется.

В этом письме в контрастной форме проявились две черты читательских писем «эпохи гласности», плотно связанные друг с другом. Первая — возложение вины за негативную сторону советской истории на неких антагонистов (здесь и чаще всего — на «сталинистов»). Вторая — интонация социальной дидактики, т. е. уверенное оценивание происходящего с позиций истории, государства, идеологии и отношение к человеку (в данном случае — к автору статьи) как к объекту воспитания. Характерно, что само письмо обращено не к автору статьи, а к редакции и редактору как к инстанции, ответственной за поведение автора, и стилистически является неким гибридом заявления и письма[7].

Как заявление, адресованное редактору, оформил свой отклик на статью персональный пенсионер, бывший работник того завода, чей полигон располагался на «десятом километре». В письме было требование принять меры по «пресечению паломничества» к «стене». В качестве одной из мер предлагалось срочно установить мемориальную доску о том, что на данном месте был полигон завода. Автора беспокоит, что статьи, опубликованные в газете, «будут истолкованы негативно и даже явятся побудителями». Побудителями чего, он не уточняет, но очевидно из текста письма, что речь идет именно о повышенном внимании к теме расстрелов и о «паломничестве» к месту памяти. То, что это «исторически неоправданно», т. е. то, что «десятый километр» не был местом расстрелов, для автора вторичный аргумент («к тому же», как он пишет). Как и в процитированном выше письме, здесь чувствуется твердая уверенность в необходимости управлять представлениями людей ради правильно понятых целей.

Автор этого письма также не выражает каких-либо «сталинистских» взглядов, он не дает оценок репрессиям, но и не отрицает факт репрессий. Мотив вмешательства в обсуждение темы, как и в процитированном выше письме «ветерана войны» — обеспокоенность повышенным вниманием к ней. Что стоит за этой обеспокоенностью?

Редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич назвал письма об истории в редакцию журнала «письмами боли», имея в виду, что большинство авторов пишут о трагедиях своих семей, о травматическом опыте. Письма, хранящиеся в нашем архиве, подтверждают это определение, но позволяют также выделить «письма боли» другого рода, интонация и содержание которых диктуется не пережитой, а актуальной травмой или ожиданием травмы. Это письма читателей, травмируемых самим процессом пересмотра истории и предчувствием социальных последствий. У авторов процитированных выше писем такое предчувствие облекалось в дидактические формулы и управленческие предложения. Но во многих письмах просто звучала тревожная интонация.

Очевидно, что основания для опасений были. Один выразительный пример. В газете «Советская молодежь» публиковались заметки бывшего

[7] Интонация социальной дидактики характерна и для газеты. Например, в ответе автору приведенного выше письма: «В целом редакция согласна с вашей версией в отношении десятого километра. Но на вашем месте ее стоило изложить было более спокойно и уважительно по отношению к работникам нашей газеты».

сотрудника НКВД Александра Литвинцева, представленные автором как дневниковые записи (не датированные) периода Большого террора. Из вступительного пояснения от редакции видно, что автор оставил за собой право решать, кого из участников репрессий назвать, а кого не называть: «Изменены и фамилии тех участников событий, судьбы которых до конца неизвестны А. Литвинцеву, а также тех, кто искупил свою вину героической борьбой с фашизмом» [Литвинцев 1988].

Вопросом о том, называть ли имена тех, кто работал в репрессивной машине, артикулировался чаще других в ходе дискуссий о теме репрессий и приводил к бескомпромиссной полемике. Судя по отчету о первой областной конференции общества «Мемориал», на конференции именно этот вопрос был поводом к эмоциональным выступлениям. Полярные точки зрения передают две следующие цитаты:

> Мы должны вслух назвать, кто есть кто. Иначе не получится правдивой истории.
> В то время не было права выбора у большинства, такова была сталинская система.
> С системой и надо бороться [Сухаревская 1989, 26 января].

Этот контекст позволяет, на мой взгляд, понять, почему коммеморация мест памяти о массовых репрессиях оказалась плотно связана с мифологизацией. Во-первых, «официальное» признание места, уже наделенного соответствующими смыслами, местом памяти о репрессиях — независимо от того, получены ли неопровержимые доказательства — означало бы некую моральную и идейную победу в общественной полемике, в которой консенсус казался невозможным. Во-вторых, борьба за мифы или против них была наименее травмирующим способом актуализации темы Большого террора. А опасения перед возможным травматическим опытом (как для себя, так и «для общества») были не только у противников актуализации темы сталинских репрессий, но и у тех, кто понимал необходимость или хотя бы неизбежность ее актуализации.

1988 год. Письма о «Даче Лунного Короля»

В поисках места массовых захоронений решающую роль сыграла заметная группа писем, авторы которых, не соглашаясь с версией о десятом километре (и приводя известные им факты), предлагали другие места для поиска. Версия о «десятом километре» выглядела все более неубедительной: новых доказательств не находилось, а письма читателей свидетельствовали, что там был полигон Завода тяжелого машиностроения. Вот анонимное письмо в «Восточно-Сибирскую правду»:

> Для того чтобы убедиться, что в стороне от Якутского тракта направо в лесу под гору был полигон, где проверяли ядра для пушек изготовленные на заводе им. Куйбышева 1938–39–40 г. Нужно-бы поднять архив амбулатории з-да когда заведующей была врач Козьмина. От этой амбулатории выезжали на полигон лекпом[8] фамилию точно не помню Тарновская. Что-ли она рассказывала как при выезде из города ей завязывали глаза. Но все равно люди знали о его существовании. В таких цехах работающих на оборону работали глухо-немые...

[8] Буквально: помощник лекаря, то есть фельдшер или помощник врача.

> ... Вы пишете, что П. Н. Шибанова предполагает о массовом захоронении на улице Нестерова, так ведь там было с давних лет Знаменское кладбище, и что там попадались черепа с пулевыми отверстиями так ведь там хоронили и застреленных и зарубленных шашками после Декабрьских событий[9]. По склону горы и сейчас еще кое где валяются плиты сброшенные с кладбища. Наверное близок к истине тов. Романов что расстрелы были в местах Пшеничной пади. Ведь в архивах НКВД должны же быть сведения о расстрелянных. И где-же было тюремное кладбище, где хоронили умерших в общем во время эпидемии тифа. Не могли же и на расстрелы увозить далеко, значит больше подходят распадки в горах вблизи города со стороны рабочего и Знаменского предместий.

Мотивы авторов писем, пытавшихся своими сведениями помочь точному установлению места захоронений и, возможно, расстрелов, радикально отличаются от того, что прочитывается в письмах, приведенных в предыдущем разделе. Это отличие проявляется и в интонации писем — в письмах, которые цитирую ниже, нет дидактики. Однако и в них возникают иногда мифологические образы. Например, в только что процитированном: «завязывали глаза», «работали глухонемые»[10]. Или в одном из писем, указывающих как на место массовых захоронений на район деревни Пивоварихи:

> В 1959 году мне пришлось ночевать в Пивоварихе и вот что мне рассказал тамошний житель. В 1937–1938 годах в Пивоварихе жили два человека, если их можно назвать людьми! кавказской национальности, которые днями кутили с женщинами, а с наступлением темноты шли на «работу». Из тюрьмы в «черных воронах» сюда доставлялись обреченные и эти двое их расстреливали до наступления утра. По всей ночи из бора, что находится на окраине Пивоварихи, доносились выстрелы. Мне и место это показывали, да там видно, что были вырыты ямы, а затем засыпаны. А когда был арестован сам начальник областного НКВД Власов, то и эти двое в ночь скрылись из Пивоварихи[11].

И еще два письма из тех, которые, видимо, сыграли ключевую роль в том, что поиск места массовых захоронений привел в окрестности Пивоварихи. Автор одного из них поделилась тем, что «видел и слышал наш отец»:

> Ему 83 года, он с 32 года живет в пос. Пивовариха. На даче Лунного короля (дача МВД, там теперь питомник для собак), т. е. недалеко от нее есть длинная траншея в виде рва, по словам отца туда возили на закрытых брезентом машинах трупы расстрелянных, ночью, сначала думали оружие, но потом выяснилось что это были убитые, т. е. расстрелянные люди. Отец говорит, что закопано около 10 тысяч. Рассказывали вроде шофера. Однажды отец шел с работы из Лисихи через лес, его остановил часовой, завязал глаза и вывел на дорогу.

Другое письмо приведу полностью:

> Тов. Семёнов А.!
> Пишу Вам в связи с Вашими публикациями о десятом километре. Дело в том, что

[9] Восстание в Иркутске против правительства Колчака в 1919 году.

[10] Не опровергаю факты, поскольку не проверял их, только обращаю внимание на логику мифа в этих свидетельствах.

[11] Письмо из города Свирска, 12 ноября 1988 года.

моя мать с 1937 г. и до выхода на пенсию работала в Иркутском Управлении НКВД-КГБ машинисткой. Она сама рассказывала мне, что в течение какого-то периода после ее поступления на работу в НКВД расстрелы осужденных тройкой производились во дворе Управления. Там было (а возможно и сейчас есть) какое-то одноэтажное здание, которое называлось складом административных товаров (видимо, канцелярских принадлежностей). Вот это здание и приспособили для казней. Сам двор отгорожен от улиц Литвинова и Урицкова зданиями и вообще закрыт со всех сторон. В дни казней по кабинетам, окна которых выходят во двор, проходил комендант здания и давал команду зашторить окна, включить свет и репродукторы. Потом со двора можно было услышать слабые хлопки. Мать говорила, что она один только раз в нарушение приказа посмотрела в окно и увидела как в грузовик загружали трупы, вытаскивая их из этого одноэтажного здания. Потом казни во дворе НКВД прекратились и она слышала, что вроде-бы расстреливать стали в селе Пивовариха. В то время там находилось подсобное хозяйство Управления, а также пионерский лагерь и летняя дача детсада для детей работников Управления НКВД. Я сам был на этой даче летом 1942 и 1944 гг. Среди ребятишек ходили постоянно разговоры о том, что на Даче Лунного Короля (было там в Пивоварихе какое-то место с таким названием) «много мертвых людей», что там «ходят привидения». Иногда и воспитательницы пугали нас этой Дачей, чтобы мы не убегали за территорию. С 1943 г. и по настоящее время я проживаю в доме № (...) по ул. (...)[12]. Этот дом до 1960 г. был ведомственным домом НКВД-КГБ и, естественно, здесь проживали (и сейчас ещё кое-кто живёт) работники этого ведомства. В 50-х годах после 20 съезда во дворе было много разговоров о репрессиях и в том числе о том, что в Пивоварихе то ли расстреливали, то ли хоронили расстрелянных.

В 60–х годах я работал в прокуратуре Иркутской области. Здесь от некоторых старых работников юстиции приходилось слышать, что осужденных по ст 58 УК к «высшей мере социальной защиты» областным судом или военным трибуналом расстреливали в тюрьме, а осужденных особым совещанием в с. Пивоварихе и ещё где-то.

Думаю, что старожилы в с. Пивовариха должны что-то знать.

Моя фамилия... Ар-кий Д. Н.

С уважением /подпись/ 3.11.88

Оба письма явно продиктованы желанием помочь установить правду, авторы приводят свидетельства, полученные «из первых рук». Но обратим внимание на то, что оба употребляют народный топоним «Дача Лунного Короля», в котором очевидна мифотворческая стилистика. Сами они (особенно это видно в письме юриста) стараются не поддаваться какой-либо мифологии (даже не цитируют слухи как авторы большинства писем), но выражение «Дача Лунного Короля» будет через некоторое время подхвачено журналистами.

1989 год. Пивовариха

Поиски, которыми занялся создававшийся «Мемориал», привели осенью 1989 года именно в район деревни Пивовариха. В газете «Советская молодежь» среди ниточек, которые привели на это место, назвали и читательские письма[13]. Однако профессиональный археолог, руководивший раскопками, член общественного совета иркутского «Мемориала»

[12] Подробный домашний адрес я купировал в публикации. Это единственная купюра.

[13] «Каждое письмо изучалось особенно внимательно» [Сухаревская, 3 октября 1989].

в беседе со мной в июле 2016 года (то есть через 27 лет после событий) сказал, что не помнит свидетельств из писем, приведенных выше. По его воспоминаниям, решающую роль в определении места раскопок сыграли сотрудники КГБ[14]. Речь не о документальном подтверждении — сотрудники КГБ, принимавшие участие в поисках, утверждали, что документов, в которых упоминалось бы место массовых захоронений, обнаружить не удалось (по экспертному мнению моих коллег, работавших в ведомственном архиве, документы были «зачищены» в пятидесятых годах). Но сотрудникам КГБ удалось найти бывшего шофера, которого привлекали к перевозке трупов, и его воспоминания позволили установить место для проведения раскопок. То, что на свидетельства из писем (как и на устные обращения в редакцию и оргкомитет «Мемориала») не обращали особого внимания, косвенно подтверждается тем, что около Пивоварихи начали раскопки после того, как нерезультативные раскопки были проведены в нескольких местах, которые не упоминались в письмах либо упоминались редко.

Раскопки вблизи Пивоварихи в сентябре 1989 года обнаружили массовое захоронение. Раскопки также показали, что на этом месте не только хоронили, но и убивали:

> Люди, зарытые во рву, оказались с личными вещами: нашли ведь портфель, остатки дамских сумок, теплые вещи, даже подушку[15].

Раздробленные лица, проломленные затылки, следы ударов тупыми предметами подтверждали этот вывод: очевидно, расстрелянных добивали прикладами.

Областная прокуратура возбудила уголовное дело, для раскопок местная власть выделила технику, к объемным физическим работам были привлечены курсанты из учебного учреждения МВД. Были обнаружены три траншеи, вырытые с помощью взрывов и выполнявшие функции рвов-накопителей. В октябре иркутскими властями было принято решение о создании на этом месте Мемориала памяти жертв репрессий. Раскопки велись до заморозков, останки 402 человек из одной из траншей были извлечены — идентифицировать личности не представлялось возможным. Оценки общего количества захороненных значительно отличаются. Это касается и тех цифр, которые приводились в газетах в 1989 году, и тех, которые называют специалисты, участвовавшие в раскопках. Диапазон оценок: от 7 до 17 тысяч человек. Иркутская газета «СМ Номер один» цитировала криминалиста, участвовавшего в раскопках: «По самым приблизительным подсчетам, в районе Пивоварихи, было погребено до 15 тысяч казненных» [Прокурор-криминалист Николай Ерастов... 2005]. Археолог, руководивший раскопками, дает оценку «Примерно 7 тысяч, не больше»[16]. Именно в этом диапазоне находятся числа, приводимые в СМИ на протяжении четверти века.

[14] Устное сообщение историка Евгения Инешина, июль 2016 года.
[15] Устное сообщение историка Евгения Инешина, июль 2016 года.
[16] Устное сообщение историка Евгения Инешина, июль 2016 года.

В номерах от 7 ноября (то есть посвященных годовщине революции, которая в 1989 году еще была основным государственным праздником) областные газеты «Восточно-Сибирская правда» (на последней странице, после праздничных материалов, небольшим объявлением) и «Советская молодежь» (на первой странице траурно выделенной колонкой) объявили, что 11 ноября состоится церемония открытия Мемориального кладбища и перезахоронения останков эксгумированных в ходе следствия. Церемония начиналась в Иркутске, где на несколько часов объявлялся траур, с движения погребальной колонны к автобусам. Оформление поляны с траншеями, на которой был устроен мемориал, включило Стену скорби в глубине поляны, составленную из оштукатуренных бетонных плит, на которых прикреплены фотоовалы и таблички с фотографиями и именами жертв, памятный знак на входе на поляну (две гранитные глыбы, наложенные друг на друга, и надпись на них «Помни, Родина, нас всех, кто погиб невинно. Будь милосердна и возврати нас из небытия») и трехметровый православный крест рядом со знаком, а также отдельную гранитную глыбу на краю поляны с надписью «Взываем к памяти вашей, люди, и к вашим сердцам взываем. Не допустите, чтобы наша судьба стала и вашей судьбою».

Мемориал осенью 1989 года был создан в режиме, который можно определить словами «надо успеть». Это нежелание оттягивать создание мемориала оказалось оправданным. Например, в Томске в конце 80-х годов также было установлено место массовых захоронений. Но дело не успели довести до бесспорной идентификации и мемориализации, и в результате в последующие годы застройка и использование места в качестве свалки исключили возможность раскопок[17].

В 1997 году созданному вблизи Пивоварихи мемориалу губернатор Иркутской области придал статус памятника истории местного значения, поставив его таким образом на государственную охрану.

2011 год. Дача Лунного Короля

Большинство публикаций о мемориале под Пивоварихой на протяжении прошедшей с момента его создания четверти века так или иначе используют формулу «Дача Лунного Короля». Впервые она появилась в местных газетах весной 1990 года, то есть спустя всего несколько месяцев после открытия мемориала и траурной церемонии. Хотя сама «Дача Лунного Короля» соседствует с местом захоронения и никак не включается в территорию мемориала, часто публикации начинаются с пересказа легенды, объясняющей данный топоним (в 60–70-х годах XIX века в этом месте арендовал дом ссыльный поляк, который из-за болезни глаз прогуливался только по ночам). Иногда авторы даже не упоминают эту легенду, считая, что мифологическая формула достаточно известна и принимается как маркер мемориального места. Мифотворчество не ограничилось этим. Со временем не только возник (или возродился)

[17] См., например: http://www.svoboda.mobi/a/27803161.html

корпус слухов о призраках и других паранормальных явлениях. Соседство зоны захоронений с аэропортом стало даже одной из версий в попытках объяснить частоту авиакатастроф в Иркутске. В сентябре 2009 года, ровно через двадцать лет после раскопок на месте захоронений, «независимая исследовательская» группа «Иркутск-космопоиск» обследовала территорию «с целью обнаружения доказательств аномальности этого места»[18]. Заметим, что территория мемориала в отчете группы обозначалась как «район Дачи Лунного Короля». Четких свидетельств и доказательств того, что зона аномальная, группе обнаружить не удалось, авторы отчета допускали, что паранормальные переживания могут быть кажущимися или надуманными, поскольку «не нужно быть экстрасенсом, чтобы ощутить при нахождении в этой зоне чувства тягостности, психологического неуюта и, наверное, тоски»[19]. Однако вероятность того, что зона все-таки аномальная, отчет допускал. В 2015 году руководитель группы уже уверенно занес «Дачу Лунного Короля» в «Туристический гид по аномальным местам Иркутской области», опубликованный популярным иркутским интернет-СМИ[20]. Основанием для этого были свидетельства очевидцев и смутная видеофиксация, сделанная группой в 2012 году во время новолуния.

В 2014–2015 годы внимание к мемориалу привлекалось несколько раз, благодаря конфликтам, возникшим в связи с тем, что границы территории захоронений точно не установлены и не обозначены. Каждый раз либо конфликт порождал слухи, либо слух становился поводом для конфликта. Два самых заметных в публичном пространстве случая: протест против строительства коттеджного поселка на территории «Дачи Лунного Короля» и реакция на слухи о планах по реконструкции взлетно-посадочной полосы аэропорта за счет территории мемориала.

В ходе этих конфликтов стало широко известно несколько обстоятельств:

— у территории мемориала нет «хозяина», поскольку общественные организации, в бессрочную аренду которым была отдана земля, либо прекратили свое существование, либо не оформили необходимых документов;

— мемориал нуждается в серьезном благоустройстве: в начале нулевых спилили и увезли металлические (якорные) цепи, ограждавшие могильные рвы; в 2010 году случился пожар, повредивший Стену скорби; родственники репрессированных самостоятельно и бессистемно устанавливают и развешивают знаки в память о своих предках;

— за четверть века так и не были выделены средства не только на выявление и обозначение точных границ захоронений, но даже на охрану мемориала (были факты вандализма).

В результате граница между хозяйственной деятельностью и местом памяти (пространством скорби) отсутствует и на земле, и в представлении

[18] http://kosmopoisk.org/articles/reports/otchyot_po_issledovaniyu_rayona_dachi_lunnogo_korolya_irkutskaya_oblast_1617.html

[19] Там же.

[20] https://ircity.ru/articles/7379/

людей. Вплотную к площади захоронений местные жители устраивали стихийные свалки, с чем пытается бороться местная администрация, но полностью прекратить не может. Территория «Дачи Лунного Короля» оформлена под дачное строительство, она представляет собой некий «анклав» на обширной площади захоронений, поскольку в 30–40-х годах зона «дачи» была рекреационной (пансионат и пионерлагерь НКВД) и хозяйственной, но исключать полностью, что были захоронения и в этом «анклаве», нельзя, поскольку границы лесного массива зоны менялись. Устойчиво сохраняется предание о пытках и расстрелах в помещениях на самой «даче» [Трифонова 2014, 25 ноября], поэтому коттеджное строительство воспринимается как кощунство теми, для кого «хозяйство НКВД» — смысловая часть территории как места памяти. Те, для кого тема сохраняет высокую травматичность, остро реагируют на каждый повод, который может быть истолкован как покушение на мемориал, и истолковывают именно так.

Неопределенность границ мемориального пространства, отсутствие инстанции, отвечающей за его порядок и судьбу — ситуация, провоцирующая слухи, эмоциональную насыщенность конфликтов. Воспроизводятся устойчивые и возникают новые мифологические элементы коммеморации. Поскольку они включены в смысловую нагрузку места памяти, но при этом периферийны для темы Большого террора, то выполняют роль симулякров: создают некую эмоциональную маскировку того, что работа с непреодоленной исторической травмой откладывается. Имеет значение также географическая периферийность места памяти для города. Обнаружение захоронений жертв репрессий вблизи Пивоварихи и создание мемориала было значительным шагом по актуализации темы Большого террора и артикуляции исторической травмы тридцать седьмого года. Но в собственно городском пространстве Иркутска никакой коммеморации темы до сих пор не произошло.

В областном краеведческом музее тема репрессий отсутствует, в музее города представлена невыразительно, хотя именно в этом музее на протяжении многих лет собирались бывшие репрессированные. Комплекс зданий НКВД в центре Иркутска занимают МВД и ФСБ. Тюрьма осталась действующей как «следственный изолятор». Нет памятных знаков. Заметим, что в июне 2016 года дан стартовый импульс акции «Последний адрес», но к моменту завершения данной статьи (апрель 2019 года) ни одна табличка «Последний адрес» в городе не установлена. Таким образом, в течение четверти века происходит уклонение от работы с травмой, и мифотворчество — индикатор совершаемого ухода.

Июль 2016 года. Десятый километр

В середине июля 2016 года в сообществе сети Facebook, посвященном истории Иркутской области, появилась запись, иллюстрированная фотографиями и начинавшаяся словами «А сегодня нас настигло эхо тридцать седьмого»[21]. Автор поста, иркутский тележурналист, которая в

[21] https://www.facebook.com/groups/650368228331988/permalink/1051838328184974/

силу возраста не была свидетелем споров вокруг «загадки десятого километра», написала о загадке «двенадцатого километра». Фотографии не оставляют сомнения, что речь идет о той самой стене, с которой начался поиск места массовых расстрелов и захоронений в 1988 году и которая оказалась бетонным укрытием на испытательном полигоне оборонного завода. Журналистка увидела стену как «явно-расстрельную». Признаки этого: «Есть следы от пуль, есть фамилии и даты гибели. И к стене ведет тропа, у подножия лежат цветы. То есть, живы потомки тех, кто был здесь убит». Автор обратилась с просьбой к тем, кто «знает больше об этом месте и о событиях, которые там происходили», написать об этом. В ответ на просьбу в комментариях появилась копия давней статьи «Конец загадки десятого километра». Журналист поблагодарила за «версию», но в комментариях вспыхнула полемика, главными активистами которой стали участница, выразившая злорадство по поводу того, что «сорвалась очередная версия про кровавую гебню», и известный иркутский фотохудожник, категорически настаивающий на том, что «десятый километр» был оборудованным местом расстрелов:

> Стенка шириной в 20 человек испещрена следами пуль... В 20 шагах от стенки — подземный крематорий с бетонными ступенями и откосом для сволакивания трупа. Труба печи выведена выше деревьев, чтоб обеспечить мощную тягу при горении — явный признак крематория, но никак не орудийного полигона.

Свою уверенность фотохудожник аргументировал тем, что «видел все своими глазами искушенного фотографа» и видел за три месяца до того, как появилась статья о конце загадки «десятого километра», написанной журналистом, который некогда работал инструктором обкома КПСС. Люди, на свидетельства которых ссылался журналист в 1989 году, также, по определению фотохудожника, «старые кпссовские бойцы».

Иначе говоря, фотохудожник указал на злой умысел в прошлом, внимание от «десятого километра» в конце 80-х годов было уведено, по его убеждению, сознательно. А для его оппонентки главным аргументом был злой умысел в настоящем:

> Я не отрицаю факты расстрелов в период репрессий. Но так уж получается, что эту тему продолжают педалировать, имея намерения, далекие от искреннего сочувствия к жертвам этих репрессий.

В ходе полемики автор этой реплики не только писала о злом умысле, но и намекала на тех, кто «заказывает музыку».

У записи было полтора десятка перепостов, один из которых предварялся фразой:

> Вскрылся еще один ПОЛИГОН СМЕРТИ политических репрессий. Народ должен требовать от Областной прокуратуры и ФСБ проведения расследований по этой ФАБРИКЕ СМЕРТИ.

Через несколько дней после начала полемики в Фейсбуке в новостной программе регионального телевидения вышел сюжет о «расстрельной стене». Автором сюжета была журналистка, написавшая накануне пост,

а основным участником фотохудожник, представший если не свидетелем расстрелов, то свидетелем того, как в конце 80-х было обнаружено зловещее место террора.

> Мы нашли человека, который знает тайну серой стены.
> — Я напрягал память, как эта информация ко мне пришла, и вспомнил: мне об этом сообщили в Агентстве печати и новостей, которое тогда было дочерней фирмой КГБ. И я поехал на это место. Остановился, не сразу нашёл, оно никак не обозначено. Просто спускаешься вниз по высокому откосу, и открывается — полный ужас. [Эхо 37-го… 2016, 17 июля].

Не возвращаясь к дискуссии 1989 года и не выясняя, есть ли основания связывать «десятый километр» с темой «тридцать седьмого года», хочу в заключение статьи обратить внимание на эту полемику 2016 года. А именно — на поиски злого вражеского умысла, к которым надо прибавить интонацию социальной дидактики, используемую участниками как средство полемики, независимо от отстаиваемых взглядов. Поиски врага и социальная дидактика при обсуждении темы репрессий — свидетельство того, что историческая травма Большого террора не прорабатывается.

Заключение

У иркутской версии коммеморации трагедии Большого террора тридцатилетняя история. Как и в 1988–1989 годы, в процессе коммеморации по-прежнему участвует мифотворчество, предлагая симулякры, эмоционально насыщенные, но не имеющие отношения к самим событиям Большого террора. Иркутский кейс, который я попытался реконструировать в данной статье, достаточно выразительно показывает, как происходит уклонение от работы с исторической травмой. Мифотворчество не участвует в проработке исторической травмы Большого террора, а подменяет необходимую проработку и маскирует ее отсутствие. Почему симулякры востребованы? Они актуальны в ситуации «холодной гражданской войны», когда обсуждения в публичном пространстве практически любой темы отечественной истории двадцатого века происходят в регистре полемики, а не общественной дискуссии. В таких условиях опасения того, что коммеморация в городах России трагедии Большого террора может обернуться новым травматическим опытом, оказываются фактором воспроизводства непроработанной травмы.

Литература

Боярских, Е. Г., Иванова, Е. Н., Кальянова, Т. П., Карнаухов, С. Г., Рожанский, М. Я., Шмидт, С. Ф. (2014). *Письма об истории и для истории*. Иркутск: ЦНСИО.

Воронина, Н. (1988, 27 сентября). Красные цветы на бетонной стене. *Советская молодежь, 115.*

Литвинцев, А. (1988, 24 октября). «Я, Александр Литвинцев, свидетельствую…». *Советская молодежь, 124.*

Прокурор-криминалист Николай Ерастов: «Жертв политических репрессий хоронили слоями» (2005, 12 мая). *СМ Номер один*. Режим доступа: http://baikal-info.ru/sm/2005/18/006007.html.

Семенов, А. (1988, 18 октября). Загадка десятого километра. *Восточно-Сибирская правда, 240*.

Сухаревская, Л. (1989, 3 октября). Иркутские Куропаты? *Советская молодежь, 119*.

Сухаревская, Л. (1989, 26 января). Предать забвению — больше, чем предать… *Советская молодежь, 11*.

Трифонова, Е. (2014, 25 ноября). Мертвым грузом: Границы мемориала в Пивоварихе могут быть изменены. *Губерния*. Режим доступа: http://www.vsp.ru/social/2014/11/25/549009.

Эхо 37-го. Под Иркутском обнаружили расстрельную стену (2016, 17 июля). *Вести-Иркутск*. Режим доступа: http://vesti.irk.ru/news/news_day/182660/.

References

Boyarskih, E. G., Ivanova, E. N., Kal'yanova, T. P., Karnauhov, S. G., Rozhanskiy, M. Ya., Shmidt, S. F. (2014). *Letters on history and for history*. Irkutsk: CNSIO. (In Russian).

Echoes of the '37. A shooting wall discovered not far away from Irkutsk (2016, July 17). *Vesti-Irkutsk*. Retrieved from http://vesti.irk.ru/news/news_day/182660/. (In Russian).

Litvincev, A. (1988, October 24). "I, Alexander Litvincev, testify that…". *Sovetskaya Molodezh', 124*. (In Russian).

Prosecuting attorney Nikolay Erastov: "Victims of political repressions were buried in layers" (2005, May 12). *SM Number one*. Retrieved from http://baikal-info.ru/sm/2005/18/006007.html. (In Russian).

Semenov, A. (1988, October 18). The mystery of the tenth kilometer. *Vostochno-Sibirskaya Pravda, 240*. (In Russian).

Suharevskaya, L. (1989, January 26). To forget is more than to betray… *Sovetskaya Molodezh', 11*. (In Russian).

Suharevskaya, L. (1989, October 03). The Kuropaty of Irkutsk? *Sovetskaya Molodezh', 119*. (In Russian).

Trifonova, E. (2014, November 25). Dead weight: Borders of the Pivovarikha memorial may be changed. *Guberniya*. Retrieved from http://www.vsp.ru/social/2014/11/25/549009. (In Russian).

Voronina, N. (1988, September 27). Red flowers on a concrete wall. *Sovetskaya Molodezh', 115*. (In Russian).